

АНАТОЛИЙ
ГЛАДИЛИН

РЕПЕТИЦИЯ
В ПЯТНИЦУ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г52

Оформление серии *С. Власова*

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Иван Шагин / РИА Новости;

© NeroRosso, stockphotofan1 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гладилин, Анатолий.

Г52   Репетиция в пятницу / Анатолий Гладилин. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-096215-0

Сталинизм преодолен навсегда или никуда не пропал, а затаился и цепь случайных событий может привести к его возрождению? «Репетиция в пятницу» Анатолия Гладилина, написанная в далеком 1977 году (когда у нее не было никаких шансов увидеть свет), рассказывает о невероятных событиях, которые лишь на первый взгляд кажутся фантазмагорией. А повесть «Евангелие от Робеспьера», культовая книга советских времен, посвященная последним годам жизни великого французского революционера, не потеряла своей актуальности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096215-0

© Гладилин А., 2018

© Оформление «ООО Издательство
«Эксмо», 2018

Гладилин. Шестидесятник. Первый и последний

1

Как-то на углу улиц Лувр и Риволи, в витрине магазина разных причуд, увидел я оловянных солдатиков. Легионеры Цезаря, ополченцы Вашингтона, гвардейцы Наполеона и гренадеры Кутузова — офицеры, барабанщики, трубачи, знаменосцы, — построены в шеренги и колонны, они являли образцовую композицию и стремились к ее центру.

В центре же стоял квадратный помост. А на нем — группа фигурок рядом с небольшим несложным сооружением. Рама. Доска. А перед ней — корзина...

Именно. В центре располагалась гильотина.

Не знаю — работала эта модель или нет. Но сделана была филигранно. Как и все с ней связанное. Эшафот, механизм, окровавленный нож, место жертвы, ящик для тела... Каждый элемент был отлит любовно и со знанием дела. Меж войсками и эшафотом имелось свободное пространство, в нем — оцепление в синей форме с пиками в руках. На краю эшафота — некто, держащий в вытянутой руке человеческую голову...

Это чудесно промытое окно располагалось в нескольких сотнях шагов от места, где некогда стояло это устройство, где окончили свои дни и безвестные жертвы, и герои, чьи имена хранит история.

История... Как много копий наломали об нее люди. И перьев — не меньше.

Уж так крепка. Иной раз слышу вопрос: зачем опять обсуждать темы и тени прошлых времен? Отчего не обратиться к нашему сегодня? Не взглянуть в умные лица и ясные глаза современников? Не отразить славный образ положительного героя на фоне героических панорам блистательных свершений?

Минутку. Разве не этим заняты авторы художественных текстов, исследующие историю — хоть давнюю, хоть новую — ту, что по соседству, за углом? Они обращаются. И глядят. И отражают. Если убрать не так уж много значащие детали и рассчитать по *самому большому счету* — то и увидим: все (ну — почти) осталось ровно так, как в... какую эру ни возьми.

Люди мнили и мнят себя Бонапартами. И никто не ставит им диагноз. А разве мало считающих себя Сталиным? Скажете: хватит двух-трех? Да хоть одного... Зеркало эпохи — всегда кривое. Но и нас, и их оно отражает такими, какие мы на самом деле.

2

Мудрецы советуют: возьмите вашу историческую память, аккуратно просейте и извлеките из нее всё самое доброе, возвышенное и прекрасное. А после — зловое, гнусное и страшное. Прекрасное — увековечьте. А страшное... — не жгите. И на свалку не мечите.

Что с того, что оно воплощено в людях? Скажем — в террористе-мечтателе «неподкупном Робеспьере»? Или — в террористе-цинике «вожде народов Сталине»?

Пусть наравне с увековеченными и расцвеченными свершениями *живут* и гильотина, и колонны смерти, и расстрелы в подвалах, и лагерь, и Вандея с Колымой, и напудренный паричок, и от черной трубочки дымок. Все просто: несите свой ужас, свой террор¹ в самые дальние углы музеев и архивов. Для спецов. Кому надо — найдут.

А обычную память пусть тешат изобретатели, первооткрыватели, артисты, герои...

Но — не выходит. Потому что история устроена так, что, едва заведем мы разговор о Робеспьере, тут же явится и Фуше. Заговорим об общественном благе — замаячит тень палача. Затрещат барабаны. Закричат санкюлоты. И женщины с пиками двинутся на Версаль...

А там — король не может взять в толк: как ради снижения государственного долга можно сокращать расходы на охоту? Там Мария-Антуанетта — красавица в вечном поиске развлечений... Но, пардон, это прилично, что она *спала* с каждым третьим? И разве хорошо дарить казну графине Полиньяк? А ее новая страсть — принцесса Ламбаль? О, сладость поцелуя! О какой государственности речь? Но голодные парижане — всё ближе. А за ними — образ того, чьим именем названа одна из повестей в этой книге, — гения гильотины, погибшего на ней. Максимилиана Робеспьера.

3

— ...Жаль, умер старик Вольтер. Ему не надо было бы ничего придумывать, вся наша теперешняя жизнь — сборник анекдотов! — вот что значит глядеть на годы вперед. Так оно было и в XVIII веке, так оно есть и

---

¹ Террор, *la terreur*, по-французски и значит «ужас».

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

теперь. Повесть «Евангелие от Робеспьера» впервые вышла в СССР в 1970 году. То был год «закручивания гаек». Да такого, что кто-то из читателей даже спросил автора — Анатолия Гладилина: *как пропустили?*

Но касается она и этого — нынешнего года. И я спрашиваю (про себя) то же самое.

«Как? А вот так...» — отвечает Гладилин. Он и тогда знал, что серию «Пламенные революционеры», в которой вышел текст, смотрит не цензура, а ЦК; а в ЦК есть те, кто и «Любовь к электричеству» Аксенова пропустил. А это — не просто крамола, как «Евангелие». А учебник конспирации. А чего вы ждали от книги про Леонида Красина?¹

А что хотели от книги про Робеспьера?

Ох уж эта вера Людовика XVI и многих прочих самодержцев в то, что «пока нация полагается на меня, всё будет хорошо». А с чего вы взяли, государь, что она полагается на вас? Когда владыкам сложновато играть в покер и они предпочитают жмурки, в их мир приходят такие тексты, как «Евангелие», и такие авторы, как Гладилин.

4

С Гладилиным, вообще-то, сложно.

Его литературная судьба (а от любой другой она неотделима) поистине удивительна. С середины 50-х его имя гремит в СССР. В 1956-м в журнале «Юность» вышла повесть юного, до той поры никому не известного автора «Хроника времен Виктора Подгурского». И — стала сенсацией! Как порой говорят, «перевернула взгляды

---

¹ «Любовь к электричеству» — повесть друга Анатолия Гладилина — писателя Василия Аксенова — об одном из героев русского революционного подполья, инженере и политическом стратеге Л. Б. Красине.

целого поколения» и обрела неслыханную популярность. Как и ее автор.

В 1959-м читатель радостно встретил его новую повесть в «Юности» «Дым в глаза». А еще через год — «Песни золотого прииска». Текст вышел в «Молодой гвардии», вызвал дикий скандал, специальные решения ЦК комсомола и окрики в печати. До той поры Гладилин — противоречивый молодой автор. Теперь — литературный хулиган, достойный экзекуции.

Но за что же? За что? А за удачные попытки поделиться своим видением советской действительности. Какой-какой? Советской. Другой он не знает. А эту — очень хорошо.

Сталин развенчан. Устои колеблются. Романтики грезят свободой слова, «социализмом с человеческим лицом». Начальство заявляет, что искусство принадлежит народу? Это значит — нам. Так решают Гладилин и его друзья. На глазах поколения рождается новое культурное движение. А критик Станислав Рассадин (сам того не ожидая) дает ему имя: «шестидесятники». Так называется его статья в журнале «Юность». И он для юной литературы теперь и приют, и оплот, и трибуна.

Здесь — все. Аксенов, Ахмадулина, Вознесенский, Окуджава, Рождественский, Евтушенко... Их песни, стихи, проза и речи приводят агитпроп в ужас. Да это ж контрреволюция! «Клуб Петефи»!¹ Не-ет, мы вам Будапешт здесь устроить не дадим!

---

¹ «Клуб Петефи» — творческая организация венгерских интеллектуалов, как писали советские газеты, «змеиное гнездо антисоветчины». После подавления венгерского восстания 1956 года ликвидирован.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

На выставке в Манеже Хрущев топает ногами на художников-авангардистов. В Кремле — орет на Аксенова и Вознесенского. А воротилы пропаганды спускают на молодую литературу всю псарню красной критики.

Опального Гладилина в Кремль не зовут. Но и он попадает под шпицрутены.

— По старым меркам, — вспоминает Анатолий Тихонович, — двух статей в «Литературке» хватило бы на десять лет лагерей. А «Литературка» плевалась полгода...

5

А «гайки» то закручивают, то откручивают. Порой даже удается печататься. В 1965 году «Юность» публикует в двух номерах роман Гладилина «История одной компании». Мосфильм заказывает сценарий, хочет снять по книге кино. Но 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов на съезде комсомола заявляет: «Воспитывать молодежь мешают американский империализм и книги Анатолия Гладилина». И всё заканчивается. И редакции не берут тексты.

Тем не менее в 1970 году Политиздат публикует «Евангелие от Робеспьера». 200 тысяч экземпляров тиража мгновенно исчезают в книжных магазинах. Потом в той же серии — «Сны Шлиссельбургской крепости»...

А что будет завтра? Жизнь в стране устроена так, что никакой прогноз невозможен. Но Гладилин называет свою новую повесть «Прогноз на завтра». В Москве она летает из редакции в редакцию. Да и улетает во Франкфурт-на-Майне. В «Посев». Мало какое издательство в СССР считают более вражбим.

Беспартийного Гладилина вызывают в ЦК партии и выносят приговор: «Каждая ваша книга вызывает, мягко говоря, полемику, займитесь переводами».

ГЛАДИЛИН. ШЕСТИДЕСЯТНИК. ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Но у Гладилина уже написана «Репетиция в пятницу». Вот эту вещь, он знает, никогда в СССР не опубликуют. И он выбирает эмиграцию.

У него начинается новая жизнь. Париж, радио «Свобода», встреча с Галичем, Некрасовым, Максимовым, новые книги. Но, как и прежде, нет шаблона, куда удалось бы втиснуть Гладилина. Он необъятен в разнообразии своих интонаций, ракурсов и тем.

6

Вспомним: вот Виктор Подгурский с редкой страстью ищет свое место в мире и о любви мечтает. Вот народный форвард высшей классности голы без счета забивает. Вот среди советской несуразности золото мальчишка добывает. Вот в краю далеком прозаик в изгнании тень всадника встречает. Ну а старший лейтенант госбезопасности тело властелина охраняет.

С этого и начинается повесть «Репетиция в пятницу». Не стану пересказывать сюжет. Хватит нескольких штрихов.

Что это за радость — сторожить тело Хозяина?

Как сказать? Отпуск — два месяца. Оклад. Деньги «за звездочки». Бесплатная путевка. Отбиваешь у летчиков Любку — кожаную юбку, Ленку — покажи коленку или Верку — попку-безразмерку и — плясать. Каждый вечер — ужин в «Ореанде». Чтоб швейцар дверь распахивал, а лабухи встречали знойной песней: «Пора настала, я пилотом стала»... Что еще служебному человеку надо? Плюс — уважение.

Потому что он — старлей госбезопасности Подберезовик — во все времена как был хозяин жизни, так и есть. Пока не происходит удивительное.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

Читатель может решить: в «Репетиции в пятницу» воскресает Сталин.

А он что — умирал? Разве Хозяин, Старикан, Усатый Таракан — не продолжал жить в согражданах? И те об этом знали. Как герой платоновского «Чевенгура», что говорит: «Во мне глист громадный живет, он мне всю кровь выпил». А лечиться — отказывались.

Жил он в них, когда еще и не родился. Ибо он — воплощенный сплав мерзейших свойств, увы, присущих почти всем во все времена. Кому — меньше, кому — больше. А многим — сверх меры. Отсюда и метафора бункера — подвала души, где укрыт Сталин. А выпустить хочется! Потому-то Подберезовик его и ждет.

Как партийные секретари. И чекисты. И таксисты. И артисты. И Марья Петровна. Дама из тех гражданочек, что коли в кране нет воды — бегут за хлебом. «И куды меня несет?» Да в ночь же, в ночь! А заскочишь за угол, так там — «хлебный хвост». Так звали очереди. При Сталине.

Надо ли быть гением, чтоб *угадать*: и через полвека они будут совать в погребца сухари, водку, мыло, соль, крупу, консервы и скупать спички? Нет. Гением надо быть, чтобы *описать* это. Рассказать им о них самих.

Что и делает Гладилин.

А заодно и их начальникам, коих, как известно, отличает значительность лица.

Подберезовик обретет ее быстро. Он был никем — жалким сторожем сталинского тела, забытым в карауле. А стал — всем. Вторым лицом после Хозяина. Потому что первым отдал ему честь, когда тот из бункера вылез.

И (пусть — на время) влился в число удивительных людей, что делят всех на тех, с кем они целуются; тех,

кому подают руку; тех, кому делают общий привет; и тех, кого для них нет. Но кто при этом обязан постоянно испытывать законную гордость и глубокое удовлетворение.

7

Гладилин точно знает партийно-государственный ритуал. И пишет о нем — тупом, убойном, стадном — ясно и подробно. Как и нужно нынче читателю. Чтоб он не шел на поводу у «политики памяти», что весело сует ему «священные реликвии»: то посох Ивана Грозного, то сапог Аракчеева, то пенсне Берии вместе с кнутами бесчисленных тайных мелких палачей. Тех, что и нынче здесь. И выйди Сталин на сцену, сладостно выдохнут: «Отец родной, слава Те Господи, жив!...»

Или, как пьяный секретарь обкома — запричитают: «Вылечили! Через двадцать один год! Перегнали Америку!» Искренне. От души.

Гладилин, сочиняя свою повесть в Москве (1974—1975 год), всё это ясно видел. Но вряд ли он предвидел, что будет сорок лет спустя после ее выхода в свет. Как сограждане станут толковать про биотехнологии и долголетие начальства, что заживет за счет нефти, газа, леса и руды, братаясь с Китаем и пестуя Павок Корчагиных и Павликов Морозовых. А графоманы засыпят редакции «Песнями о вожде». А им — ну прямо как в «Репетиции» — скажут: «Большое спасибо! Мы на вас надеялись». А не желающих — потащат в участок, шипя: «Все подпишешь, падло».

«Если надо сжечь Париж — мы сожжем его!» Разве не так говорил Людовик XVI? А они, коли надо сжечь мир, — пустят ракету на атомной тяге. Известно: давние счета короля с пожарной охраной кончились плохо. И сейчас, слыша заявления про «мировой пожар»,

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

слушатель знает: идет игра с огнем. Но если в истории мира и повести Гладилина «Евангелие от Робеспьера» он штурмует Бастилию, то сейчас для него Бастилии нет. То есть, во-первых, нечего брать. А во-вторых, есть телевизор.

Кстати, в «Репетиции в пятницу» он второе по силе орудие победы над Сталиным. Впрочем, стоп: об этом — в повести. Но не скрою: победители войдут в историю.

Вот так в нее и входят. Кто-то — заявляя: «Где это видано, чтоб после работы гнать на митинг? Не сталинские времена!» Кто-то на вопрос короля: «Это — бунт?», — отвечая: «Это — революция!» А кто-то — как Гладилин — рассказывая об этом нам.

И тут кончается история. И начинается искусство.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

**РЕПЕТИЦИЯ
В ПЯТНИЦУ**